

Не удивительно, что некоторые страницы писем Дантеса помогают комментировать письма Пушкина. В частности, несколько проясняется предвзятая позиция Геккерена. Вспомним, что Пушкин обвинял Геккерена в том, что тот был скрытым режиссером всей этой истории. Письмо, которое вы сейчас прочтете, меняет картину, меняет по крайней мере применительно к середине октября 1836 года.

Напомним, что 16 октября был вечер у Вяземских, где были Наталья Николаевна и Дантес, но не было Пушкина. А 17 октября — вечер у баварского посланника Лерхенфельда, на котором не было Дантеса, ибо он был на дежурстве, но был Геккерен.

Вот днем 17-го Дантес и пишет следующее письмо своему приемному отцу:

Дорогой друг!

Хотел писать к тебе сегодня утром, но был так занят, что не сумел этого сделать. Вчера я провел весь вечер наедине с известной тебе дамой, и когда я говорю «наедине», это значит, что был единственным мужчиной почти час у княгини Вяземской. Можешь вообразить мое состояние. Я наконец собрался с мужеством и довольно хорошо исполнил свою роль и даже был довольно весел. В общем, я хорошо держался до одиннадцати часов, но после силы меня оставили и охватила такая слабость, что я успел только выйти из комнаты и на улице принялся плакать, как круглый дурак, отчего, правда, мне стало легче, ибо я задышался. После уже, в своей комнате, оказалось, что у меня страшная лихорадка, ночью я не сомкнул глаз и страдал морально до безумия. Вот я и решил прибегнуть к тебе и умоляю тебя сделать обещанное тобою сегодня вечером. Тебе совершенно необходимо поговорить с нею, дабы я знал, как мне быть. Этим вечером она едет к Лерхенфельдам, и, отказавшись от партии, ты найдешь минутку поговорить с нею.

Вот мое мнение: я считаю, что ты должен откровенно к ней обратиться и сказать (так, чтобы не слышала сестра), что тебе необходимо серьезно с ней поговорить. Тогда спроси ее, не была ли она случайно у Вяземских, а когда она ответит тебе, что да, то ты ей

скажешь, что так и думал и что она может оказать тебе очень большую услугу. Ты скажешь ей о том, что со мной вчера случилось, словно бы ты был свидетелем всему, — будто мой слуга испугался и пришел будить тебя в два часа ночи, что ты меня много раз спрашивал, и ничего не смог от меня добиться, и что ты убежден, что у меня была ссора с ее мужем, а к ней ты обращаешься, чтобы избежать беды для меня (мужа

И думаю, что это очень хорошо, ибо как я уже говорил, ни в коем случае не надо, чтобы она заподозрила, что это заранее подготовлено, и видела в этом демарше вполне естественное чувство беспокойства о моем здоровье и моем будущем. И ты должен настоятельным образом попросить ее хранить это в тайне от всего света и в особенности от меня. Однако было бы неосторожным сразу просить ее, чтобы она меня при-

жде чем идти к Лерхенфельдам. Ты найдешь у меня Бетанкура. Обнимаю тебя,
Жорж де Геккерен.

Серена Витале считает, что отличие ее труда от трудов предшественников в том, что она не дает никакой своей трактовки событиям. Вместо этого она дает говорить документам. В архиве Геккерена обнаружено 25 писем Дантеса. Два из них были пушки-

гом около года».

Да, в России сложился единственный взгляд на дуэльную историю Пушкина — лермонтовский взгляд, поворачивающий события под социальным, политическим углом зрения, взгляд, придающий пушкинской истории лермонтовскую судьбу. В известной степени это происходило от отсутствия голоса самого виновника события — Дантеса. Его роль была всеми зрителями и читателями определена как однозначно черная и, самое главное, слепая.

Не мог ценить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал.
Новонайденные документы по-

Невский проспект. Полицейский мост и кондитерская Вольфа. Литография П.Иванова с оригинала В.Садовникова. 1835. У Вольфа Пушкин встретился со своим секундантом К.Данзасом в день дуэли. Отсюда они вышли в четыре часа, выпив по стакану лимонаду, и поехали на Черную Речку.

там не было). Это лишь докажет, что я не рассказывал тебе о вечере, — вещь крайне необходимая, ибо надо, чтобы по отношению к ней я скрывался от тебя. А ты расспрашиваешь ее как отец, интересующийся своим сыном. Тогда было бы неплохо, чтобы ты намекнул в разговоре, будто считаешь, что есть более интимные отношения, чем те, что существуют, поскольку, оправдавшись, ты найдешь случай дать ей понять, что по крайней мере такие отношения должны существовать — судя по ее поведению со мною. В общем, самое трудное — начать.

Ты мог бы сделать это в следующий раз.

Умоляю тебя еще раз, мой дорогой, приди мне на помощь. Я всецело отдаю себя в твои руки, ибо если это продолжится таким образом, это сведет меня с ума. Ты мог бы также испугать ее и дать ей понять (неск. слов неразборчиво).

Прошу прощения за несвязность этой записки. Но уверяю, что потерял голову, она у меня горит точно в огне, и мне дьявольски плохо. Однако если тебе недостаточно сведений, будь милостив — зайди в казармы, пре-

нистам уже пятьдесят лет известны по публикации в книге французского писателя Анри Труайя. Но эта публикация не была научно корректной. Теперь к этим двум добавляются еще 23 — совершенно неизвестные. Они написаны на протяжении года — с осени 1835-го до осени 36-го.

Может быть, эта пачка писем не последняя и нас ждут в этой области сюрпризы?

Нет, отвечает их комментатор Вадим Старк, «других писем быть не может: это был единственный период, когда Дантес и Геккерен не виделись друг с дру-

Автопортрет А.С.Пушкина в черновике письма гр.В.А.Соллогубу. 1836.

зволяют несколько изменить взгляд. Нет, ни письма, ни их публикатор и комментатор Дантеса не оправдывают и даже не обеляют. Просто сам материал, ныне впервые вводимый в читательский оборот, привносит какую-то человеческую краску во все эти трагические обстоятельства. И потому существует превращению романтического события в правдивое. Только вот легче от дополнительных подробностей почему-то не становится.

Прага

Окончание. Начало в «РМ» №4090.